В ведущих американских университетах снижается численность студентов-евреев



Зажигание ханукальных свечей в Пенсильванском университете

В 2010 году доля евреев в Пенсильванском университете составляла около 20%, к 2016-му она упала до 13%. В 2000 — 2010 годах примерно 20% первокурсников Йельского университета называли себя евреями, сегодня таких — 16%. Если недавно 10% первокурсников Гарварда причисляли себя к евреям, среди тех, кто окончит университет в 2020-м, таких будет всего 6%.

Еще в 1999 году The New York Times, сообщив, что процент евреев в Принстонском университете упал с 18% до 10%, предостерегла: «Эта тенденция характерна для всей страны: процент студентов-евреев в высших учебных заведениях два последних десятилетия неуклонно снижался».

При этом, евреев среди населения США — максимум 2%, а значит, их доля в кампусах Лиги плюща (восемь наиболее престижных университетов США, — прим. ред.) по-прежнему очень велика. Большое число евреев среди студентов, особенно в Гарварде, Йеле и Принстоне, — предмет гордости еврейской общины, эти цифры символизируют и высокий интеллектуальный уровень, и нечто более важное — то, что евреев приняли в высшие слои американского общества.

В определенные исторические периоды уменьшение числа евреев в университетах Лиги плюща было не случайно. В 1925 году среди студентов Гарварда более 25% составляли евреи, но затем университет установил критерии приема, из-за которых в последующие 30 лет доля евреев составляла всего 15%; подобные квоты негласно существовали и в Йеле, Принстоне и т.д. Но с 1960-х, когда систему приема реформировали, евреям стало комфортно в кампусах Лиги плюща. Появилось множество заведений кошерного питания, строились общественные еврейские центры, администрация освобождала студентов от экзаменов по субботам и уважительно относилась к религиозным праздникам. Сегодня президенты Гарвардского, Йельского и Пенсильванского университетов — евреи.

И все же, бытует мнение, что одно или два последних поколения евреев, не обремененные иммигрантским менталитетом своих родителей, бабушек и дедушек, не так жаждут традиционных успехов в учебе, как поколения предыдущие. Андреас Ротенберг, окончивший Принстон в 2013 году, говорит, что среди родителей его друзей «преобладают врачи, юристы и ученые, а вот среди их детей — кинорежиссеры, комики или писатели».

Меня назвали в честь деда, который в 16 лет, не зная ни слова по-английски, приехал из Белоруссии в Бруклин, а спустя полтора года пошел учиться в Городской колледж. Моя бабушка, родившаяся в 1912 году, в детстве крахмалила блузку, чтобы сходить в библиотеку, считая, что ради этого следует принарядиться. Все мои друзья-евреи могут рассказать что-нибудь

похожее из своей семейной истории — про тягу к образованию и трудолюбие. В 1996 году Николас Леманн, размышляя о студентах-евреях своего времени, высказался без обиняков: «Что-то утрачено: прежнее горячее и всеобщее усердие в учебе, сочетающееся со стремлением продвинуться в обществе, перестало быть характерной чертой этой группы людей».

Однако то же самое можно сказать и о других иммигрантских группах в Америке. Так, персонаж телесериала «Студия 30» Джек Донахи, ирландец-католик, сетует: «Мы — нация иммигрантов. Первое поколение гнет спину на заводах. Следующее поколение поступает в университеты и выдает инновационные идеи. Третье поколение катается на сноуборде и берет уроки театральной импровизации». А что касается евреев, то уже несколько десятков лет назад говорили, что наша энергия пошла на убыль.



Эмблема Йельского университета



На плакате: «Йель полон евреев. Устроим им облаву!!!»

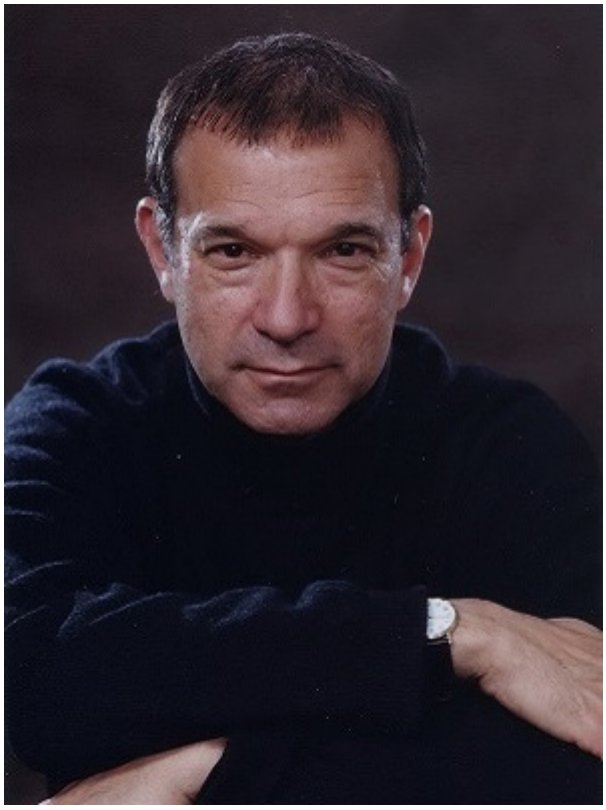
Причина не только в евреях, но и в переменах в Лиге плюща. В Пенсильванском университете процент белых студентов в целом снизился с 64% до 44%. И это реальность, которая ставит новые вопросы перед евреями: ведь в Лиге плюща они за несколько десятилетий превратились из гонимых чужаков в часть истеблишмента. Как «новых евреев» сегодня часто

характеризуют американцев азиатского происхождения, особенно если речь идет о таких ценностях, как успехи в сфере умственного труда и трудолюбие. В таком случае получается, что евреи — это «новые белые американцы-протестанты англосаксы», старая гвардия, выезжающая на прежних достижениях.

Напротив, американцы азиатского происхождения — новые жертвы неоднозначной политики приема в университеты — подали в суд на Гарвард, открыто начав борьбу против, как они полагают, неофициального квотирования, искусственно ограничивающего их долю среди студентов. Если суд примет решение в их пользу, число студентов-евреев, возможно, снизится еще больше. Те, кто опасается, что евреи утратили былую сноровку, сочтут: община, растерявшая тягу к самосовершенствованию, получила по заслугам. Что до евреев, боящихся, как бы еврейское влияние не пошло на убыль, они в этом схожи со старой американской элитой.

Итак, место евреев в меняющемся американском обществе стремительно эволюционировало. Мы уже не чужаки у дверей домов, куда нас не пускают, — но и статус «своих», возможно, сохраним недолго. И тут встает другой вопрос: стоит ли из-за этого тревожиться?

Надо понимать, что традиционно в Лиге плюща никогда не старались отбирать студентов исключительно по их личным способностям — нет, то были питомники элиты. В 1909 году более половины первокурсников, зачисленных в Гарвард, Йель и Принстон, провалили вступительные экзамены. Тем не менее считалось, что эти отпрыски лучших семейств влияют на уровень культуры в кампусах положительно.





Профессор Стивен Гринблатт *Пола Фасс*

Когда в 1920-х годах университеты стали делать упор на знания и это стало опасным для белой протестантской элиты, при отборе абитуриентов стали обращать внимание на «характер» и прочие свойства, которыми евреи, как считалось, не обладали. Собеседования с абитуриентами, вступительные эссе, рекомендательные письма — все это ввели, чтобы выявлять евреев среди абитуриентов и держать их численность под контролем. Когда в 1960-х Стивен Гринблатт — будущий гарвардский профессор, знаменитый специалист по английской литературе — окончил Йель и собирался в Гарвард на собеседование, отец не советовал ему ни хвалиться результатами тестов, ни акцентировать достижения в областях, в которых разбираются лишь немногие. «Отец опасался, не покажусь ли я там чересчур интеллектуальным, — вспоминал Гринблатт. — Он сказал: «Их заботит спорт и то, чтобы ты был таким, как все». Так он намекал, что я не должен слишком походить на еврея».

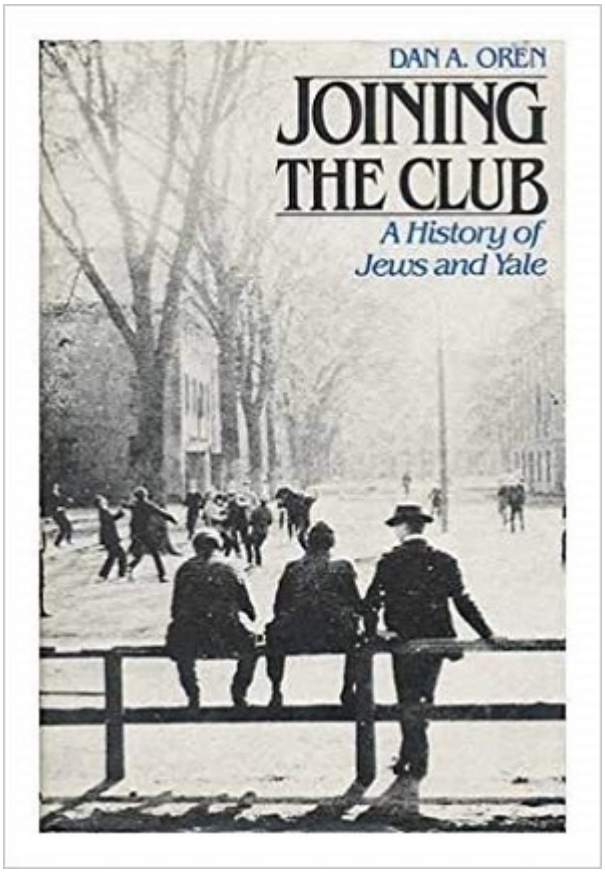
Сегодня для умного мальчика или умной девочки из элитарных еврейских школ зачисление в один из лучших университетов — нечто желательное, но отнюдь не прорыв. «Это новый мир, и у евреев в нем другое место, — говорит

Пола Фасс, историк из Калифорнийского университета. — Зацикленность евреев на Лиге плюща — плод исторического опыта, отошедшего в прошлое».

Когда еврейская община утвердилась в Америке как богатая, успешная, высокообразованная группа, Лига плюща стала уже не столько символом высокого статуса в обществе (каковым она была для иммигрантов в первом и втором поколениях), сколько полем сражения в политике идентичности. Иначе говоря, обострение конкуренции за места в Лиге плюща повлекло за собой уменьшение числа студентов-евреев, но в то же самое время распахнуло двери этих университетов перед другими группами. Не стоит думать, будто от школьников-евреев сегодня требуют поступить в лучшие университеты менее настойчиво, чем от их родителей когда-то; но им стало труднее, чем их родителям, туда поступить.



Обвитый плющом корпус Принстонского университета



Книга Дэна Орена «Вступление в клуб: евреи в Йеле»

«Если в Йельском колледже 15% — евреи, а в стране нас в целом 2%… тогда такие цифры меня не тревожат, — говорит Дэн Орен, автор книги «Вступление в клуб: евреи в Йеле». — Кое-кто, услышав про эти 15%, может

подумать, что в Йеле несоразмерно много студентов-евреев».

Но после того как мы были чужаками, наращивая свое влияние и могущество в обществе, как-то неприятно слышать, что мы не просто преуспели, но и стали частью старой элиты. Такая смена самоощущения дается трудно, особенно когда мы вновь чувствуем, что наше положение в американском обществе стало уязвимым. Как нам чувствовать себя в безопасности в мире, где отсутствие могущества и влияния испокон веку грозило нам катастрофой? Некоторым страшно признать, что наше присутствие в таких институтах, как Лига плюща, — присутствие, упрочившее успехи евреев, — возможно, ослабевает, ведь в Америке лишь совсем недавно стало нестрашно быть евреем.

Я считаю, что эти опасения — не по адресу. У американской еврейской общины все будет в порядке, а в США много и других превосходных университетов. Нет никаких причин делать Лигу плюща фетишем

Публикуется в значительном сокращении

Шира Телушкин, Tablet